

Предикатное преступление: философско-правовой анализ понятия

Д. Е. Жуков

Кубанский государственный университет

ул. Ставропольская, 149, 350040, Краснодар, Россия. E-mail: dmitriy.zhukov@dorf.ru

В статье представлен философско-правовой анализ понятия «предикатное преступление» как особой онтологической структуры, связывающей разнородные уголовно наказуемые деяния в системное единство. Основная гипотеза исследования заключается в том, что предикатное преступление представляет собой не просто технический прием или частный случай множественности, а выражение фундаментальной онтологической функции, обеспечивающей связывание разрозненных элементов криминальной деятельности в осмысленную целостность.

Исследуются логические истоки предикатной связи через классическую схему суждения «S есть P», где основное преступление занимает позицию субъекта, а предикатное – позицию предиката, сообщающего деянию юридически значимое свойство. Опираясь на идеи Г. Фреге о пропозициональной функции и гегелевскую диалектику отношения, автор раскрывает онтологию предикатной связи как «скрепы», удерживающей множественность эпизодов в системном единстве правовой оценки.

В результате анализа Особенной части УК РФ выделяются три качественно различных вида предикатной связи: логическая (через предмет преступления, как при легализации доходов), функциональная (через цель или мотив, как при содействии террористической деятельности) и генетическая (организационно-техническая предпосылка, как при создании преступного сообщества). Обосновывается, что каждый вид предъявляет специфические требования к доказыванию и влияет на квалификацию преступлений.

Особое внимание уделяется методологическому развитию юридической техники: появление предикатных конструкций маркирует переход уголовного права от натуралистического (изолированно-казуистического) к деятельностному (системному) мышлению. Автор приходит к выводу, что философско-правовая рефлексия предикатных связей имеет непосредственное практическое значение для законодательной техники, судебного толкования и квалификации преступлений, а ее дальнейшее развитие способствует формированию целостного учения о системных связях в условиях усложнения современной преступности.

Ключевые слова: уголовное право, предикатное преступление, квалификация преступлений, философия права, законодательная техника.

Predicate Offence: Philosophical and Legal Analysis of the Concept

D. E. Zhukov

Kuban state university

149 Stavropolskaya St., 350040, Krasnodar, Russia. E-mail: dmitriy.zhukov@dorf.ru

The article presents a philosophical and legal analysis of the concept of «predicate offence» regarded as a special ontological structure integrating disparate criminally punishable acts into a coherent systemic whole. The main hypothesis of the study is that predicate offence is not just a technical device or a special case of multiplicity, but rather an expression of a fundamental ontological function that enables the integration of disparate elements of criminal activity into a meaningful whole.

The logical origins of the predicative relation are investigated through the classical scheme of proposition «S is P», where the principal offence occupies the position of the subject, and the predicate offence occupies the position of the predicate, which gives the act a legally significant property. Based on G. Frege's ideas about the propositional function and the Hegelian dialectic of relation, the author reveals the ontology of predicative relation as a «bond» that holds the multiplicity of episodes in the systemic whole of legal assessment.

As a result of the analysis of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, three qualitatively distinct types of predicative relation are distinguished: logical (through the object of the crime, as with money laundering), functional (through a goal or motive, as with facilitation of terrorism) and genetic (organizational and technical prerequisite, as with the establishment of an

organizrd criminal group). It is proved that each type imposes specific evidentiary requirements and affects the qualification of crimes.

Special attention is paid to the methodological development of legal technology: the appearance of predicate constructions marks the transition of criminal law from naturalistic (isolated-casuistic) to activity-based (systemic) thinking. The author comes to the conclusion that the philosophical and legal reflection of predicative relations is of direct practical importance for legislative technique, judicial interpretation and qualification of crimes and its further development contributes to the development of a holistic doctrine of systemic relationships in the context of the growing complexity of contemporary crime.

Key words: criminal law, predicate offence, crimes qualification, philosophy of law, legal technique.

Рассмотрение предикатного преступления в современной уголовно-правовой науке демонстрирует любопытный парадокс. С одной стороны, термин прочно вошел в профессиональный оборот: его употребление можно встретить как в международных соглашениях и нормативных актах, так и в диссертациях, монографиях, научных статьях, учебной литературе. С другой стороны, его содержательное наполнение остается крайне неопределенным. Предикатным, как правило, называют преступление, выступающее условием или предпосылкой другого преступления (в большинстве случаев – отмывания преступных доходов), и на этом теоретическая база заканчивается.

Происхождение рассматриваемого термина берет свое начало в науках логики и языкознания. Так, в Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова слово «предикат» описывается как «понятие, определяющее предмет суждения (субъект)» в логике и как «член предложения, обозначающий отнесенный ко времени признак» в грамматике (Ожегов 1990: 603). При этом нормативное закрепление термина «предикатное преступление» в юриспруденции связывают с принятием в 2004 г. международных антиотмывочных стандартов, когда Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) включила его в свои «40 Рекомендаций»¹. Именно тогда странам, применяющим указанные рекомендации, было предложено устанавливать наиболее широкий перечень предикатных преступлений по отношению к легализации (отмыванию) преступно полученного имущества.

Сам факт появления и закрепления в уголовно-правовой терминологии понятия «предикатное преступление» свидетельствует о возникновении принципиально нового способа осмыслить преступное деяние. Природа такого способа восприятия может быть раскрыта в том числе посредством философского дискурса, о котором будет сказано далее. Основная гипотеза состоит в том, что предикатное преступление как особый вид противоправного деяния не сводится ни к техническому приему отсылки, ни к частному случаю множественности. Напротив, такого рода преступление является выражением фундаментальной онтологической функции «связывания разрозненных элементов в осмысленную целостность» [Антонченко 2023: 15], без которой уголовное право утратило бы способность иметь дело с комплексными, системно организованными формами криминальной деятельности.

Чтобы приблизиться к пониманию онтологической характеристики предикатной связи в уголовном праве, необходимо обратиться к ее логическим истокам. Классическая схема суждения «S есть P», впервые введенная Аристотелем, представляет собой не просто грамматическую форму, но фундаментальную структуру мышления о мире. Субъект (или подлежащее) фиксирует то, о чем нечто высказывается; предикат (или сказуемое) – то, что именно высказывается о субъекте [Смирнов 2016: 9-10]. При этом, вопреки распространенному представлению, предикат не выступает чем-то внешним и второстепенным по отношению к субъекту. Наоборот, именно через предикат субъект получает свою определенность, обретает очертания, становится доступным для мышления. Без предикации субъект остается нераскрытым, лишенным свойств и отношений, иначе говоря, не существует как предмет мысли [Полозова 2020: 64].

Перенос изложенной логической модели в уголовно-правовую среду позволяет взглянуть на устоявшийся термин с принципиально иного ракурса. Когда законодатель конструирует состав преступления, содержащий логическую отсылку к иному уголовно наказуемому деянию, он, по существу, воспроизводит структуру предикативного суждения, которое представляет собой условную зависимость (формулу): «основное преступление – предикатное преступление» (перевод – Д. Ж.) [Murray 2016: 448–449]. Основное преступление занимает позицию субъекта: это то, что подлежит юридической оценке. Предикатное преступление занимает позицию предиката или «предмета», через который основное преступление получает свою уголовно-правовую квалификацию. Так, легализация (отмывание) преступных доходов как самостоятельный состав преступления, предусмотренный ст. 174 или 174¹ УК РФ, остается логически незавершенным или неопределенным без указания на происхождение имущества: именно денежные средства или иное имущество, полученные преступным путем или в результате совершения преступления, выступают предметом легализации (отмывания) как обязательным признаком указанного состава преступления. Иными словами, предикатное преступление выполняет ту же функцию, что и логический предикат: оно сообщает основному деянию юридически значимое свойство, без которого то не может существовать как самостоятельное преступление.

Однако предикатная связь не является симметричной. Если в классической логике субъект и предикат связаны отношением принадлежности признака, то в уголовном праве можно встретить более сложную структуру, в которой квалификация основного преступления в ряде случаев невозможна без установления предикатного деяния. Здесь предикат не просто характеризует субъект, но обосновывает саму возможность существования последнего. Это сближает юридическую предикацию с тем, что Г. Фреге называл «мыслью», то есть некоторой пропозицией, содержащей переменную, которая становится истинностным суждением только после подстановки конкретного значения [Фреге 2008: 29-30].

¹ Международные стандарты по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения. URL: https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/FATF_Recommendations_2025_rus.pdf

Предикатное преступление и есть та переменная, от подстановки которой зависит, будет ли иметь место основное преступление как юридический факт.

Зафиксировав вышеизложенные онтологические признаки предикатных связей, необходимо задать вопрос более высокого порядка: что стоит за самим фактом появления и распространения предикатных конструкций в уголовном законодательстве? Для ответа на данный вопрос следует обратиться к методологии юридического мышления. Г. П. Щедровицкий, характеризуя эволюцию научного знания, выделил два фундаментальных типа мышления – «натуралистическое» и «деятельностное». Первое рассматривает объект как данность, как вещь с присущими ей свойствами, подлежащими описанию и классификации. Второе рассматривает объект как продукт и момент деятельности, то есть не как вещь, а как узел отношений, включенный в процессы и структуры [Щедровицкий 1994: 334-338]. Данный тезис можно проследить в истории развития отечественного уголовного права.

Уголовное право России до середины XIX в. тяготело к натуралистическому мышлению: каждое преступление мыслилось как изолированный акт индивида, обладающий собственными объективными и субъективными признаками и получающий самостоятельную квалификацию. Связи между преступлениями если и учитывались, то в качестве внешних, случайных обстоятельств. Появление прототипов предикатных преступлений в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. ознаменовало поэтапный переход к «деятельностному» мышлению законодателя при составлении уголовно-правовых норм. Преступление здесь уже не просто изолированный акт, а элемент структурированной преступной деятельности. Данная «системность» раскрывается через указание на совершение иного преступления как необходимого условия привлечения к уголовной ответственности за совершение основного преступления [Ашин 2009: 251]. Подобную отсылку можно встретить, например, в ст. 308 Уложения, где уголовная ответственность устанавливается за взлом тюрьмы или иного места заключения, который с целью освобождения или увода заключенных сопряжен с убийством или поджогом.

В советский период понятие преступления, равно как и понятие состава преступления, получили переосмысление во многом благодаря трудам А. Н. Трайнина, В. Н. Кудрявцева, А. А. Пионтковского и других видных правоведов. Отмечая «переход от буржуазной к социалистической модели юридической науки», А. Н. Трайнин утверждал, что понятие преступления в советском праве неразрывно связано с его материальным признаком – общественной опасностью [Трайнин 1951: 14]. Тем самым отстаивалась идея материального определения преступления как противопоставления подходу «буржуазного права», где определяющим выступал формальный признак – запрещенность. Это отразилось на системном толковании уголовно-правовых норм, что обусловило появление более развитых предикатных связей в конструкциях статей УК РСФСР 1960 г. (например, в статьях, устанавливающих уголовную ответственность за приобретение имущества, заведомо добытого преступным путем, – ст. 208, вовлечение несовершеннолетнего в преступную деятельность – ст. 210 и др.).

Современное российское уголовное право наследует отдельные наработки дореволюционной и советской теории уголовного права, закрепляя в определении преступления, данном в ст. 14 УК РФ, как нормативный (запрещенность уголовным законом) так и материальный признаки (общественная опасность), а также виновность и наказуемость [Наумов 2021: 110]. Более того, понятие преступления, закрепленное в действующем российском уголовном законе, более не привязывается к определенному классовому мышлению. Из этого можно заключить, что таким образом происходит переход от натуралистического или казуистичного описания уголовно-правовой нормы к деятельностному (абстрактному).

Такого рода методологическое развитие имеет значительные последствия для юридической техники. Если натуралистическое мышление оперирует эмпирическим опытом познания окружающей среды и требует казуистичного описания уголовно наказуемого деяния, то деятельностное мышление предполагает конструирование системного, унифицированного вида правовой нормы, где квалификация одного преступления может быть поставлена в зависимость от квалификации другого, а правовая оценка деятельности виновных лиц в целом не сводится к сумме оценок ее частей. Соответственно, способом познания и описания предикатных связей является не просто классификация по предложенным видам, а выявление технических и логических связей с другими элементами системы. Предикатное преступление в этом контексте выступает как «результат абстрагирования» или «мыслительной деятельности метатеоретического характера» [Коренная 2023: 33]. Так, законодатель, вводя предикатную связь, фактически предписывает правоприменителю рассматривать данное деяние не само по себе, а в его системном положении [Тыдыкова 2023: 46].

Следующий шаг в осмыслении природы предикатного преступления требует ответа на вопрос: какова онтология самой связи между предикатным и основным деяниями? Является ли она чисто мыслимой конструкцией, существующей лишь в сознании законодателя и правоприменителя, или за ней стоит некоторая объективная структура криминальной деятельности?

Г. В. Ф. Гегель, говоря об отдельных аспектах гражданского общества и государства, неоднократно отмечал, что любое отношение не обладает самостоятельным существованием в отрыве от соотносящихся сторон, но вместе с тем оно и не сводимо к ним: будучи установленным, отношение само становится фактором, определяющим свойства вовлеченных в него элементов [Гегель 1990: 63-64]. А. Н. Муравьев, анализируя природу отношения философского знания к эмпирическому опыту, указывал, что отношение не может быть сведено ни к отдельной вещи, ни к совокупности вещей, представляя собой феноменологический способ явленности одного явления через другое [Муравьев 2004: 53]. Е. С. Линьков, рассуждая о природе отношения ко всеобщему, справедливо замечает: «единичное не может господствовать над особенным, но особенное спокойно господствует над единичным» [Линьков 2018: 44-46]. При этом предикатная связь в уголовном праве обладает именно такой юридической природой. Она не существует как самостоятельное явление наряду с предикатным и основным преступлениями, но и не является фикцией. Будучи закрепленной в диспозиции правовой нормы, она реально определяет значение обоих деяний, а именно влияет на уголовно-правовую квалификацию.

Более того, предикатная связь выполняет в уголовном праве ту функцию, которую в общей теории систем называют функцией онтологической скрепы [Лукин 2011: 106]. Комплексная криминальная деятельность, например, функционирование преступного сообщества, предполагающее множественность тяжких и особо тяжких преступлений,

совершаемых в его составе, может включать в себя достаточно широкий перечень разнородных составов преступлений, каждый из которых имеет собственные объективные и субъективные признаки. Без предикатных связей такая совокупность преступлений оценивалась бы судами как группа изолированных эпизодов, без учета системного характера криминальной деятельности. Именно предикация, по сути «привязывая» одно уголовно наказуемое деяние к другому, удерживает эту раздробленную множественность в рамках единой правовой оценки, подобно тому, как в классической метафизике форма удерживает материю от распада.

Анализ действующего уголовного законодательства и судебной практики позволяет выделить три качественно различных вида предикатной связи, каждый из которых обладает собственной онтологической характеристикой.

Логическая предикация имеет место там, где одно преступление выступает смысловым определением другого через предмет или объект. Наиболее известный пример – легализация (отмывание) преступных доходов (ст. 174 и 174¹ УК РФ). Здесь предикатное деяние предшествует основному преступлению: без преступного происхождения имущества исчезает сам предмет легализации. При этом такая связь между преступлениями носит необходимый, а не случайный характер, так как легализация (отмывание) преследует цель сокрытия криминальной деятельности и поэтому является логическим последствием получения преступного дохода [Коренная 2024: 154].

Функциональная предикация характеризует случаи, когда предикатное преступление выступает средством или условием совершения основного, не будучи при этом его логической предпосылкой. Примером может служить содействие террористической деятельности (ст. 205¹ УК РФ) по отношению к террористическому акту (ст. 205 УК РФ). Здесь предикатное деяние, выраженное в указанном содействии и основное – террористический акт – функционально связаны через признак субъективной стороны: без цели обеспечения соответствующего преступления террористической направленности действия лиц по склонению, вербовке и т. п. не образуют состав предикатного преступления [Боков 2024: 41]. Такого рода структурная связь систематизирует самостоятельные элементы отрасли права, при этом не образуя новые правовые явления и лишь придавая качественные характеристики уже существующим [Куликов, Анисимова, Казанцев и др. 2020: 56-57].

Генетическая предикация охватывает те ситуации, в которых предикатное преступление выступает источником, необходимой предпосылкой или целью совершения основного преступления. Сюда следует отнести, в частности, создание преступного сообщества или преступной организации (ст. 210 УК РФ) по отношению к конкретным преступлениям, совершенным его участниками. Основное преступление (создание или руководство преступным сообществом) в большинстве случаев хронологически предшествует множественным предикатным преступлениям, которые совершаются его участниками. Однако связь здесь не логическая и не функциональная, а организационно-техническая: преступное сообщество создает условия для последующего ведения криминальной деятельности [Куфлева 2015: 91]. Этот тип предикации наиболее сложен в правоприменительной практике, поскольку требует установления не просто факта предшествования, но именно генетической производности одних деяний от других, что предполагает, в частности, анализ структуры преступной организации и распределения ролей.

Три выделенных вида предикатной связи не являются изолированными: в реальном правовом поле они могут пересекаться и накладываться друг на друга. Кроме того, вышеперечисленные виды предикации предъявляют разные требования к установлению обязательных признаков рассматриваемых составов преступлений. Логическая предикация требует достоверного установления факта совершения предикатного преступления, что, впрочем, не во всех случаях требует наличия вступившего в законную силу приговора суда. Функциональная предикация предполагает установление субъективной связи через цель или мотив, что, в свою очередь, требует проведения анализа субъективных признаков рассматриваемого состава преступления. Генетическая предикация предполагает, как правило, организационную структуру и распределение ролей. Таким образом, отдельные факультативные признаки состава преступления в данном случае приобретают особенно важное значение [Улитин 2025: 50-53].

Принятие спекулятивного мышления как особой формы правовой рациональности ставит вопрос о пределах использования предикатных конструкций в уголовном законе. Если каждая уголовно-правовая норма теоретически может быть связана с другой через отсылку, возникает риск чрезмерно расширенного толкования права, когда квалификация одного преступления требует установления другого, затем третьего и так далее до бесконечности. Предотвращение этого риска требует разработки строгих критериев определения предикатных связей в уголовном законе.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Предикатное преступление представляет собой разновидность фундаментальной логико-философской категории предикации, перенесенной в сферу уголовно-правовых отношений. Подобно тому как в структуре суждения предикат сообщает субъекту определенность, в уголовно-правовой норме предикатное преступление определяет отдельные характеристики основного преступления, необходимые для правильной квалификации последнего.

2. С точки зрения философских наук предикатная связь существует как отношение особого рода, которое не сводится к простой сумме признаков составляющих его элементов. Напротив, такая связь выполняет функцию онтологической скрепы, удерживающей разрозненные эпизоды преступлений в системном единстве, тем самым обеспечивая возможность их целостной правовой оценки.

3. Анализ Особенной части УК РФ позволяет дифференцировать три вида предикатной связи преступлений: логическую, функциональную и генетическую, которые различаются по характеру устанавливаемых отношений между различными преступлениями.

4. Историко-правовое значение появления предикатных конструкций в уголовном праве России состоит в том, что они маркируют переход уголовного права от натуралистического мышления (изолированного) к деятельностному (системному). Данное развитие означает переход от классической к неклассической рациональности, причем теоретическое осмысление последней нуждается в дальнейшей научной разработке.

Философско-правовой анализ предикатных связей в уголовном праве не является отвлеченным теоретизированием. Вышеизложенные доводы подтверждают, что он непосредственно востребован практикой квалификации преступлений,

законодательной техникой и судебным толкованием. Дальнейшее развитие этой рефлексии способно внести вклад в формирование целостного учения о системных связях в уголовном праве, что представляется особенно актуальным в условиях растущей сложности и организованности современной преступности.

Список источников

- Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов; под ред. Н. Ю. Шведовой; 22-е изд., стер. М., 1990.
- Международные стандарты по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения. URL: https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/FATF_Recommendations_2025_rus.pdf
- Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. / Музей истории российских реформ имени П. А. Столыпина. URL: <http://museumreforms.ru/node/13654>.

Литература

- Антонченко В. В. Прикладное значение философского дискурса права / Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2023. – № 15 (4). – С. 7–15.
- Ашин Д. А. Ретроспективный анализ конструкции предикатных преступлений в уголовном праве России / Актуальные проблемы российского права. – 2009. – №. 4. – С. 250–261.
- Боков Д. К. Кадровая инфраструктура терроризма / Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. – 2024. – № 2. – С. 36–42.
- Гегель Г. В. Ф. Философия права / пер. с нем.; ред. и сост. Д. А. Керимов и В. С. Нерсисянц. М., 1990.
- Коренная А. А. Признаки и функции юридической конструкции при формировании теоретической модели уголовно-правовой охраны экономической деятельности / Юрислингвистика. – 2023. – № 30 (41). – С. 32–37.
- Коренная А. А. Теоретические основания определения непосредственного объекта легализации имущества, приобретенного преступным путем (статьи 174, 174¹ УК РФ) / Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2024. – № 2 (55). – С. 150–156.
- Куликов Е. А., Анисимова И. А., Казанцев Д. А. [и др.]. Дialeктика общего, особенного и единичного в праве: теоретико-правовые и философско-правовые аспекты: монография / под ред. Е. А. Куликова. Барнаул, 2020.
- Куфлева В. Н. Вопросы разграничения организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) со смежными составами преступлений / Общество и право. – 2015. – № 1 (51). – С. 89–93.
- Линьков Е. С. Лекции разных лет по философии / Е. С. Линьков; Т. 1. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 2018.
- Лукин А. Н. Онтология ценностей / Социум и власть. – 2011. – № 3. – С. 104–108.
- Муравьев А. Н. Философия и опыт / Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2004. – № 7. – С. 48–58.
- Наумов А. В. Уголовный кодекс Российской Федерации. Общая часть: историко-филологический и доктринальный (научный) комментарий. М., 2021.
- Полозова А. Е. Спекулятивный подход к истине в философии Г. В. Ф. Гегеля / Общество: философия, история, культура. – 2020. – № 6 (74). – С. 61–64.
- Смирнов А. В. Пропозиция и предикация / Философский журнал. – 2016. – № 1. – С. 5–24.
- Трайнин А. Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. М., 1951.
- Тыдыкова Н. В. О технике конструирования уголовного закона / Юрислингвистика. – 2023. – № 30 (41). – С. 43–49.
- Улитин И. И. Факультативные признаки состава преступления: общетеоретические и исторические аспекты: монография / под ред. д.ю.н., профессора М. Л. Прохоровой. Краснодар, 2025.
- Фреге Г. Логико-философские труды / пер. с англ., нем., франц. В. А. Суровцева. Новосибирск, 2008.
- Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М., 1995.
- Murray K. In the shadow of the dark twin – proving criminality in money laundering cases / Journal of Money Laundering Control. – 2016. – № 19 (4). – P. 447–458.

References

- Antonchenko, V. V. (2023). Applied significance of the philosophical discourse of law. *Legal Bulletin of Kuban State University*, 15(4), 7-15 (in Russian).
- Ashin, D. A. (2009). Retrospective analysis of the construction of predicate crimes in Russian criminal law. *Actual Problems of Russian Law*, 4, 250-261 (in Russian).
- Bokov, D. K. (2024). Personnel infrastructure of terrorism. *Criminal law: Development strategy in the 21st century*, 2, 36-42 (in Russian).
- Frege, G. (2008). Logical-philosophical works (V. A. Surovtsev, Trans. from English, German, and French). Novosibirsk (in Russian).
- Hegel, G. W. F. (1990). Philosophy of right (D. A. Kerimov & V. S. Nersesyants, Eds. and trans.). Moscow (in Russian).
- Korennaya, A. A. (2023). Signs and functions of a legal structure in the formation of a theoretical model of criminal law protection of economic activity. *Jurislinguistics*, 30(41), 32-37 (in Russian).
- Korennaya, A. A. (2024). Theoretical grounds for determining the direct object of the legalization of property acquired by criminal means (Articles 174, 174¹ of the Criminal Code of the Russian Federation). *Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2(55), 150-156 (in Russian).

- Kufleva, V. N. (2015). Issues of distinguishing the organization of a criminal community (criminal organization) or participation in it from related crimes. *Society and Law*, 1(51), 89-93 (in Russian).
- Kulikov, E. A., Anisimova, I. A., Kazantsev, D. A., et al. (2020). *Dialectics of the general, special and singular in law: theoretical and legal and philosophical aspects: monograph*. E. A. Kulikov (Ed.). Barnaul (in Russian).
- Linkov, E. S. (2018). *Lectures of different years on philosophy* (Vol. 1, 2nd ed., rev. and enl.). St. Petersburg (in Russian).
- Lukin, A. N. (2011). Ontology of values. *Socium and Power*, 3, 104-108 (in Russian).
- Muravyev, A. N. (2004). Philosophy and experience. *Proceedings of Herzen Russian State Pedagogical University*, 7, 48-58 (in Russian).
- Murray, K. (2016). In the shadow of the dark twin – proving criminality in money laundering cases. *Journal of Money Laundering Control*, 19(4), 447-458.
- Naumov, A. V. (2021). Criminal Code of the Russian Federation. General part: Historical-philological and doctrinal (scientific) commentary. Moscow (in Russian).
- Polozova, A. E. (2020). Speculative approach to truth in the philosophy of G. W. F. Hegel. *Society: Philosophy, History, Culture*, 6(74), 61-64 (in Russian).
- Shchedrovitsky, G. P. (1995). *Selected works*. Moscow (in Russian).
- Smirnov, A. V. (2016). Proposition and predication. *Philosophical Journal*, 1, 5-24 (in Russian).
- Trainin, A. N. (1951). *Corpus delicti under Soviet criminal law*. Moscow (in Russian).
- Tydykova, N. V. (2023). On the technique of constructing criminal law. *Jurislingvistics*, 30(41), 43-49 (in Russian).
- Ulitin, I. I. (2025). Optional elements of corpus delicti: General theoretical and historical aspects (M. L. Prokhorova, Ed.). Krasnodar (in Russian).

Citation:

Жуков Д. Е. Предикатное преступление: философско-правовой анализ понятия // Юрислингвистика. – 2026 – 41. – С. 6-10.

Zhukov D. E. (2026) Predicate Offence: Philosophical and Legal Analysis of the Concept. *Legal Linguistics*, 41, 6-10.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License
